ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 2 | 2026. Volume 19. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Сюжеты раннеегипетской малой пластики в контексте формирования календарно-астрономической системы

Миронова А. В.

Аннотация. Статья посвящена анализу иконографии памятников малой пластики додинастического и раннединастического периодов как источнику для понимания принципов сложения календарно-астрономической системы Древнего Египта. Цель исследования – выявить связь сюжетов малой пластики (рукоятей ножей, гребней, палеток) с ранними представлениями о небесной сфере и праздничной культурой. Автор доказывает, что сцены охоты и сражений, а также последовательные ряды животных на предметах служили маркерами годового цикла: они фиксировали весеннее равноденствие, гелиакический восход Сириуса, летнее солнцестояние и разлив Нила. Научная новизна работы заключается в раскрытии и дешифровке календарно-астрономических смыслов, интегрированных в изобразительный канон Древнего Египта дописьменного периода. В результате исследования установлено, что развитие иконографии (темы охоты, битв, сцен терзания зверей) базировалось на строгой синхронизации земных ритуалов с наблюдениями за созвездиями Тельца, Льва, Большого Пса и Ориона. В архаическую эпоху триумф правителя над силами хаоса трактовался как залог сохранения космического порядка и своевременного прихода половодья. Сопоставление данных сюжетов с астральными мотивами «Текстов пирамид», «Текстов саркофагов» и звездными картами Нового царства позволяет рассматривать архаические памятники как древнейшие в истории Египта астрономические документы.

EN

Early Egyptian small-scale art in the context of the formation of the calendar-astronomical system

A. V. Mironova

Abstract. The article analyzes the iconography of small-scale art objects from the Predynastic and Early Dynastic periods as a source for understanding the principles behind the formation of Ancient Egypt's calendar-astronomical system. The research aims to identify the connection between the subjects found in small-scale art (knife handles, combs, palettes) and early concepts of the celestial sphere and festive culture. The author argues that hunting and battle scenes, as well as sequential rows of animals on these objects, served as markers of the annual cycle: they recorded the vernal equinox, the heliacal rising of Sirius, the summer solstice, and the Nile inundation. The scientific novelty of the work lies in the revelation and decoding of calendar-astronomical meanings integrated into the Ancient Egyptian visual canon of the preliterate period. The study establishes that the development of iconography (themes of hunting, battles, and animal predation scenes) was based on a strict synchronization of earthly rituals with observations of the constellations Taurus, Leo, Canis Major, and Orion. In the Archaic era, the ruler's triumph over the forces of chaos was interpreted as a guarantee of maintaining cosmic order and the timely arrival of the flood. Comparing these subjects with the astral motifs of the Pyramid Texts, the Coffin Texts, and New Kingdom star maps allows these archaic monuments to be viewed as the oldest astronomical documents in Egyptian history.

Введение

Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа раннеегипетских памятников в контексте становления астрономии и календаря. Религиозная жизнь Египта была неразрывно связана с небесной сферой, и фундамент этих воззрений закладывался еще в додинастическую эпоху. В историографии (Wilkinson, 1999; Ciałowicz, 2001; Raffaele, 2010; Graff, 2009) принято отделять памятники с астральными символами от предметов с изображением сцен охоты, битв или рядов животных. Однако сакральный статус этих изделий и доминирующая роль календарных ритмов в жизни Нильской долины указывают на их единую космологическую основу. Игнорирование этой связи ведет к упрощенной трактовке архаического искусства и препятствует пониманию генезиса египетского календаря и астролатрии.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260093

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Задачи исследования включают: систематизацию зооморфных и антропоморфных образов додинастического и раннединастического периодов в их сопоставлении с архаическими астральными представлениями египтян; выявление космогонического и календарного значения иконографии в сценах охоты и сражений; обоснование связи этого декора с природными ритмами и годовым циклом ритуалов.

Материалом исследования послужил корпус изобразительных и текстовых источников, отражающих зарождение астральных представлений в долине Нила. Проведен сравнительный анализ фотографий и графических прорисовок ключевых памятников додинастического и раннединастического периодов: костяных рукоятей ножей, гребней и сланцевых палеток.

Для верификации гипотез привлечены звездные карты эпохи Нового царства (гробницы Сенмута и Сети I) и канонические тексты («Тексты пирамид» и «Тексты саркофагов»), содержащие ранние письменные фиксации астрономических знаний. Междисциплинарный характер работы позволил сопоставить египетский материал с данными по астролатрии и космогонии Месопотамии, что помогло выявить общие закономерности формирования календарных традиций на Древнем Ближнем Востоке.

Методология исследования базируется на синтезе искусствоведческого анализа, направленного на выявление семантики и визуальной структуры образов; исторической реконструкции, применяемой для воссоздания религиозно-идеологического контекста додинастического и раннединастического периодов; методов археоастрономии, используемых для соотнесения иконографии с небесными циклами и календарными ритмами. С помощью структурно-семиотического метода композиции на памятниках интерпретированы как целостные знаковые системы, где порядок расположения фигур отражает цикличность природных процессов.

Достоверность сделанных выводов подтверждается ретроспективным астрономическим моделированием. Сопоставление ключевых образов (льва, серпопарда, быка, пса) с реальной картой неба середины IV – начала III тыс. до н. э. выявило их роль как небесных ориентиров в точках весеннего равноденствия и летнего солнцестояния. Применение формально-стилистического метода помогло раскрыть специфику визуализации небесных тел, существовавшую до появления письменности, а диахронный анализ доказал преемственность этих календарных кодов от додинастических памятников до «Текстов пирамид» и звездных карт Нового царства.

Теоретическую основу исследования составляет критическое осмысление концепций, связывающих изобразительный канон раннего Египта с религиозно-политическими представлениями. В египтологии сложилось несколько подходов к интерпретации памятников малой пластики додинастического и раннединастического периодов. М. Э. Матье (1961) рассматривала упорядоченность композиций на изделиях из кости как форму трансляции обрядов и мифологических сюжетов. В трудах К. Чаловича (Ciałowicz, 1992, 2001) и Д. Патч (Patch, 2011) подобные произведения предстают символическим воплощением миропорядка и иерархической структуры мироздания. У. Дэвис (Davis, 1992) видит в зооморфных рядах нарратив об установлении контроля над хаотичным пространством природы. Дж. Бэйнс (Baines, 1993) акцентирует внимание на сакральном статусе отдельных персонажей, выступающих носителями религиозных смыслов. К. Кёлер (Köhler, 2002) связывает иконографию охоты и войны с архаической практикой раскрашивания тела в целях магической защиты охотника и воина.

В исследованиях Р. Тефнена (Tefnin, 1979), Х. Питтман (Pittman, 1996), Ф. Раффаэле (Raffaele, 2010), С. Хендрикса, Ф. Фёрстера и М. Эйкерман (Hendrickx, Förster, 2010; Hendrickx, Eyckerman, 2012) принципы построения сцен анализируются через призму знаковой системы, раскрывающей роль визуальных репрезентаций в формировании государственного культа и элитарной идеологии. Т. Уилкинсон (Wilkinson, 1999) рассматривает эти сюжеты как способ утверждения царской власти, ответственной за поддержание космического равновесия и торжество порядка над хаосом. Д. Венгроу (Wengrow, 2006) указывает на значение подобных артефактов в формировании единого изобразительного языка, необходимого для выражения общезначимых смыслов раннего государства.

Однако вопрос о соотнесении названных памятников с календарно-астрономической традицией попрежнему не был предметом системного анализа. Если в работах Дж. М. Малвилла (Malville, 2015), Л. Габольда (Gabolde, 2010), Х. А. Бельмонте и М. Шалтута (Belmonte, Shaltout, 2010) доказана определяющая роль наблюдений за небом в организации сакрального пространства (в том числе через ориентацию храмов на точки солнцестояний), то в области иконографии малых форм она представлена лишь гипотезой Ж. Дегрифа (Degreef, 2003) о соответствии фигур животных на костяных рукоятях ножей и гребнях конкретным созвездиям-маркерам, служившим для фиксации сезонных циклов.

Развивая данную гипотезу, я пересматриваю трактовку образов, представленных на изделиях из кости и сланцевых палетках, привлекая методы реконструкции астрономической ситуации изучаемого периода и кросс-культурные параллели. Этот подход опирается на опыт сопоставления египетских сюжетов с месопотамскими созвездиями Р. дю Мениль дю Бюиссона (Du Mesnil du Buisson, 1969), на исследования Г. Е. Куртика (2012) и В. В. Емельянова (2023) в области семантики астральных символов и зодиака в Месопотамии, а также на методологию анализа календарной символики «звериного стиля» Е. Е. Кузьминой (1976; 2002). Подобный комплексный подход позволяет выявить специфику фиксации временных ритмов в малой пластике раннего Египта.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов в учебных курсах по истории, искусству и религии Древнего Востока, а также при подготовке справочных изданий по ранней астрономии и календарным системам. Апробированные методы интерпретации изобразительных источников применимы для анализа широкого круга памятников, отражающих эволюцию религиозно-мифологических представлений.

Обсуждение и результаты

Повседневная и религиозная жизнь Древнего Египта была неразрывно связана с природными ритмами, определявшими стадии сельскохозяйственных работ и структуру календарного года с его тремя сезонами: *3ḫt* (разлив), *prt* (посев/всходы) и *šmw* (жатва/засуха). Мегалитический комплекс в Набта-Плайя (VI-V тыс. до н. э.), функционировавший как один из древнейших в мире календарных кругов, свидетельствует об исключительной значимости летнего солнцестояния как момента, связанного с гелиакическим восходом Сириуса – альфы созвездия Большого Пса (Malville, 2015, p. 1089). Позднее в храмовом зодчестве эта традиция получила развитие в строгой ориентации главных осей культовых сооружений на точки солнцестояний и восходы звезд (Gabolde, 2010; Belmonte, Shaltout, 2010). Подобное соотнесение святилища с небесной топографией обеспечивало синхронизацию земных и небесных циклов. Таким образом, регулярные наблюдения за небом стали основой для формирования календаря и упорядочивания всего жизненного уклада египетского общества.

Принципы этой системности с древнейших времен определяли и развитие изобразительного искусства, где структурная логика композиции служила способом воплощения основ мироздания. Анализируя рельефы на рукоятях ножей додинастического периода (ок. 3500-3100 гг. до н. э.), М. Э. Матье (1961, с. 17) трактовала регистровое распределение фигур не как декоративный прием, а как «несомненный порядок», продиктованный культовым смыслом и мифологическим контекстом. Иную позицию занимала Х. А. Кинк (1976, с. 169-170): если в рельефах палеток «Коршунов» или Нармера она видела запечатленные важные события, то декор рукоятей ножей, гребня Дэвиса и «Охотничьей палетки» считала «обычными охотничьими сюжетами», лишенными скрытой символики.

Однако С. Хендрикс и М. Эйкерман (Hendrickx, Eyckerman, 2012, p. 63), опираясь на выводы Р. Тефнена (Tefnin, 1979), доказывают, что подобные сюжеты нельзя считать простым отражением реальности. Согласно их мнению, уже в период Нагада II (ок. 3500-3200 гг. до н. э.) выбор и расположение фигур подчинены строгому «изобразительному синтаксису», необходимому элите для утверждения незыблемости миропорядка. В этой логике образы превращаются в устойчивые метафоры, где каждое животное занимает строго отведенное ему место.

Поскольку выявленные закономерности нехарактерны для реальных сцен охоты, их значение может быть связано с основополагающими для раннего общества способами измерения времени и наблюдений за небом. Исследование памятников додинастического периода, включая Герзейскую палетку и гребень Дэвиса, показывает, что в это время формируется традиция фиксации небесных тел – в частности, Сириуса (Сопдет) в виде коровьей головы и цветка/звезды (розетки) (Миронова, 2025b). Параллельно складывается царская астральная символика: в сценах репрезентативного характера и названиях раннединастических владений (например, «Хор, взошедшая звезда») фигура правителя прямо соотносится со звездой (Wilkinson, 1999, p. 100-103), нередко воплощаемой в мотиве розетки. Следовательно, регистровое распределение фигур на предметах может рассматриваться как отражение астрономических циклов, лежащих в основе календаря.

Отталкиваясь от образа звезды как возможного маркера астрального характера памятников, Ж. Дегриф (Degreef, 2003) сопоставил декор додинастических артефактов (нож Карнарвона, гребень Дэвиса и др.) с «Текстами пирамид» и звездными картами Нового царства. Справедливо отметив общую связь изображений с созвездиями, автор, однако, предложил спорную идентификацию конкретных фигур: он соотнес жирафа, змею и журавля с Малой Медведицей, быка – с Большой Медведицей, а льва – с созвездиями Геркулеса и Северной короны. Подобная фрагментарная интерпретация оставляет нераскрытой семантику самого символа звезды и игнорирует внутреннюю структуру композиции, что не позволяет рассматривать названные изделия как связное отражение годового ритма.

Предлагаемое в настоящей работе прочтение памятников в контексте календарного цикла помогает увидеть строгую астрономическую логику их декора. Так, гребень Дэвиса (Иллюстрация 1) фактически представляет собой астрономический документ, фиксирующий результаты наблюдений за созвездиями и отдельными звездами в период от конца сезона посева до начала разлива. В этой связи ряд быков и антилоп (созвездие Тельца) олицетворяет финал цикла роста, связанный с восходом Плеяд. Расположенные выше львы (созвездие Льва) отмечают сезон жатвы и пик зноя, поскольку доминирование этого созвездия на небе совпадало со временем созревания зерновых.

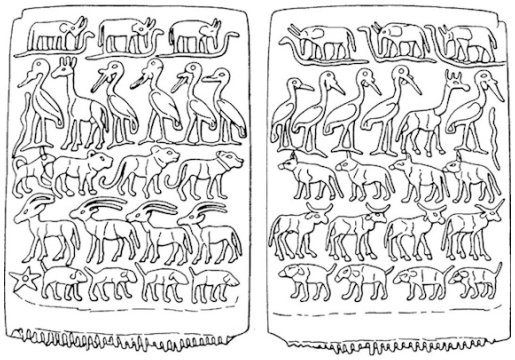


Иллюстрация 1. *Гребень для волос (т. н. «гребень Дэвиса»). Нагада III (ок. 3200-3100 гг. до н. э.). Музей Метрополитен, Нью-Йорк (инв. № 30.8.224). Источник: Raffaele, 2010, fig. 1 (4)*

Образ собаки, кусающей последнего в ряду льва, визуализирует восход созвездия Большого Пса, открывавшего путь приходу воды. Эта фигура неразрывно связана с нижним ярусом гребня, где то же созвездие представлено рядом псов и звездой в самом основании. Расположенная под всеми регистрами, она фиксирует появление Сириуса на горизонте как точку отсчета календарного цикла. Венчающие композицию слоны на змее иконографически сопоставимы с образом льва на змее из зодиаков Дендерского храма, обозначавшим время разлива Нила; на это же время указывают и фигуры аистов (4-й регистр гребня), чей прилет в Египет совпадал с подъемом воды. Таким образом, декор гребня наглядно отображает связь между небесными циклами и сменой аграрных фаз.

Аналогичная календарная схема прослеживается на рукояти ножа Карнарвона из Метрополитен-музея (Иллюстрация 2). На ее аверсе помещен знак розетки (Сириус) в окружении животных, соответствующих созвездиям всего засушливого периода. На реверсе фигуры следуют в календарной последовательности: быки (Телец) предшествуют львам (Лев), что отражает переход от сезона посева к жатве и пику жары. Средний регистр вновь занимает слон на змее, сопоставимый с дендерской иконографией начала разлива, а верхний – аисты, также знаменующие приход воды. Общность декора рассматриваемых памятников подтверждает существование единой модели фиксации годового цикла: от завершения сезона посева до половодья.

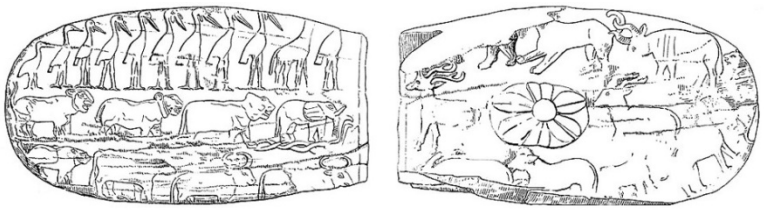


Иллюстрация 2. *Рукоять церемониального ножа (т. н. «рукоять ножа Карнарвона»). Слева – реверс, справа – аверс. Нагада III (ок. 3200 г. до н. э.). Музей Метрополитен, Нью-Йорк (инв. № 26.7.1281). Источник: Raffaele, 2010, fig. 1(3)*

Особое значение в этом календарном ритме отводилось образу льва, занимавшему центральное место в египетской зоолатрии еще в додинастический период. Примером служат статуи львов из Эшмолеанского музея (AN1894.105b), некогда стоявшие у входа в святилище Мина в Коптосе (Нагада II, ок. 3300 г. до н. э.). Внутри храмового двора располагались и колоссы самого божества (AN1894.105c–e) – покровителя плодородия, чей праздник приходился на начало жатвы и, вероятно, был приурочен к весеннему равноденствию. В контексте дискуссии о месопотамском влиянии на иконографию этого времени показательны рельефы на рукояти ножа из Гебель эль-Арака (Иллюстрация 3).



Иллюстрация 3. *Рукоять ножа из Гебель эль-Арака. Слева – аверс, справа – реверс. Нагада II (ок. 3500-3300 гг. до н. э.). Лувр, Париж (E 11517). Источник: Czichon, Siewertsen, 1993, fig. 1*

На аверсе в верхнем регистре представлен «Властитель зверей» – антропоморфный персонаж, сдерживающий двух вздыбленных львов. Под ним расположен овальный выступ для подвесного шнура, обрамленный рельефным изображением веревки, по сторонам от которого размещены фигуры собак. Ниже следуют антилопа и горный козел; под ними – сцена терзания львицей дикого быка, а также часть фигуры охотника, который ведет на поводке пса и удерживает на веревке привязанного за ногу горного козла. На реверсе в пять ярусов расположены сцены сражения воинов и два ряда ладей в нижней части композиции, между которыми помещен регистр с телами поверженных врагов.

Специфика этих изображений дала исследователям основание говорить о внешнем заимствовании (Bénédite, 1916, p. 32; Frankfort, 1951, p. 109; Pittman, 1996, p. 12-13; Hendrickx, Förster, 2010, p. 850). Мотив

властителя зверей, образы бородатых мужчин в длинных одеждах и округлых шапках действительно характерны для Месопотамии. Однако аналогичные сюжеты и иконографические типы встречаются и в египетских памятниках IV тыс. до н. э., обладающих выраженной местной спецификой.

Традиционно «Властитель зверей» трактуется как символ торжества человека над стихиями, а сами предметы – как магические обереги, призванные обеспечить удачную охоту (Матье, 1961, с. 17; Patch, 2011, p. 139). Между тем такая интерпретация не объясняет присутствия этого персонажа в росписях гробницы 100 в Иераконполе (ок. 3300 г. до н. э.), прямо связанной с заупокойным культом (Quibell, Green, 1902, pl. LXXVI). Кроме того, остается неясной причина появления строго геральдических композиций с участием львов и собак, носящих явно символический характер. Для раскрытия семантики данных образов перспективным видится обращение к ближневосточной астролатрии.

Р. дю Мениль дю Бюиссон (Du Mesnil du Buisson, 1969, p. 64-65) при анализе рельефов из Гебель эль-Арака указывал на близость образов львов и семитской богини Аштар (Иштар), олицетворяющей Венеру. По его мнению, пара львов обозначает утреннюю и вечернюю фазы этой планеты, а собаки – созвездия Большого и Малого Пса, через которые пролегает ее путь. С образом «Властителя зверей» исследователь связывал богатворца Эля, сопоставляя его с египетским Атумом. В пользу этой аналогии приводилось речение из «Текстов пирамид», где Атум создает богов вместе со Львом и Львицей (*rwty*), отождествляемыми с Шу и Тефнут (Pyr. 447a–b). Отмечая связь львов с египетским Акером, исследователь соотносил их с любой «утренней» и «вечерней» звездой. Сходным символизмом наделялись и персонажи сцен охоты: антилопы в этой интерпретации обозначают ночные светила, а быки – дневные, где гибель быка выражает наступление ночи. Таким образом, аверс рукояти представляет мир небесный, а реверс – земной, с баталиями на воде и суше.

Предложенная трактовка объединяет ближневосточные космогонические сюжеты с астральными мотивами суточного цикла, однако сопоставление божеств проводится без учета специфики египетской традиции. Если Иштар олицетворяла Венеру, то Тефнут соотносилась с Сириусом. Кроме того, в месопотамской астролатрии львы могли ассоциироваться и с иными объектами: например, известно созвездие ^{mul}ur.mah («лев», букв. «высокая собака») (Куртик, 2012, с. 24; Емельянов, 2023, с. 81). В надписи на Цилиндре А Гудеа (XXII в. до н. э.) упоминается птица Анзу в окружении львов, где орел олицетворяет созвездие Скорпиона, а львы по бокам – созвездие Льва (Edzard, 1997, p. 71; Емельянов, 2023, с. 73-74).

Важно учитывать, что древние памятники отображали не просто небесные тела, а ключевые календарные вехи. В различных культурах ближневосточного ареала такой точкой был Новый год, зачастую приуроченный к весеннему равноденствию. По замечанию Е. Е. Кузьминой (1976, с. 68-70; 2002, с. 92-97), в искусстве Месопотамии, ахеменидского Ирана и сако-скифского мира чередование годовых периодов часто воплощалось в сюжете терзания копытного хищником. В основе этой традиции лежит астрономическая ситуация V-III тыс. до н. э., память о которой закрепилась в искусстве последующих эпох в виде устойчивого канона: в период весеннего равноденствия наряду с восходом Плеяд главные звезды созвездия Тельца (в частности, Альдебаран и Гиады) переставали быть видимыми из-за прохождения Солнца через него, в то время как созвездие Льва с яркой звездой Регул находилось в верхней кульминации.

Данная иконография находит прямое соответствие в декоре египетских изделий из кости IV тыс. до н. э. Если в одних случаях календарные ритмы представлены в виде последовательных рядов животных, то в оформлении ножа из Гебель эль-Арака они выражены через сцену терзания. Подобные сюжеты визуализируют тот же астрономический переход: исчезновение Тельца, маркирующего точку весеннего равноденствия, и воцарение Льва в его высшей небесной позиции. Поскольку в указанный период именно во Льве находилась точка летнего солнцестояния (Theodossiou, Mantarakis, Dimitrijević, 2012, table 1), это созвездие становилось местом наивысшего могущества Солнца. Зенитное положение небесных тел объясняет, почему фигуры львов (как символ созвездия) и «Властитель зверей», выступающий здесь образом Солнца, расположены в верхней части рукояти. С «Властителем» композиционно связан овальный выступ, форма которого предвосхищает солярную семантику будущего царского картуша. В итоге декор аверса фиксирует последовательность ключевых этапов: от весеннего равноденствия до появления Сириуса и летнего солнцестояния, знаменовавших начало разлива.

Связь Сириуса с львиноголовыми божествами также восходит к астрономической ситуации IV тыс. до н. э.: его гелиакический восход происходил в период видимости созвездия Льва и предшествовал летнему солнцестоянию. Около 3500 г. до н. э. Сириус появлялся на небе примерно за неделю до солнцестояния, когда Солнце находилось еще в созвездии Рака. Подобная астрономическая ситуация, вероятно, запечатлена на булаве царя Хора Скорпиона (Миронова, 2026, с. 33). К 3000 г. до н. э. интервал между этими событиями сократился до нескольких дней (Jong, 2006, table 3), и сближение даты восхода Сириуса с моментом солнцестояния в созвездии Льва легло в основу календаря Раннего царства.

Несмотря на последующее прецессионное смещение, астральная ассоциация звезды со львом сохранилась в традиции: в период летнего зноя Сириус наделяли чертами свирепого божества, умиротворение которого составляло суть новогодних ритуалов (Goyon, 1974, p. 80; Миронова, 2022, с. 245-246). Этот смысл, наряду с прочими, лежит в основе мотива сдерживания львов; при этом парность фигур в иконографии могла дополнительно указывать на дуализм регионов (Верхний и Нижний Египет) или берегов Нила.

В рельефах памятника из Гебель эль-Арака отражены характерные для раннего Египта способы фиксации созвездий и смены сезонов. Заимствованные из Передней Азии образы «Властителя зверей» и двух львов служили для репрезентации комплекса явлений: кульминации созвездия Льва в период весеннего равноденствия и последующего вхождения Солнца в это созвездие в июне. В заупокойном контексте данные сюжеты знаменовали включенность усопшего в циклы возрождения природы, сопряженные с движением небесных тел.

Сюжеты рукояти из Гебель эль-Арака коррелируют с иконографией «Палетки двух псов (шакалов)» из Эшмолеанского музея (Иллюстрация 4), где две гигантские фигуры псов обрамляют по контуру поля обеих сторон памятника. В нижних регистрах представлены сцены терзания хищниками копытных, визуализирующие смену видимости созвездия Тельца (быки, антилопы) созвездием Льва (лев, грифон, серпопард на реверсе) и созвездием Большого Пса (собаки на аверсе). В верхних регистрах животные показаны в состоянии мирного взаимодействия, что соответствует периоду устойчивого равновесия сил природы.

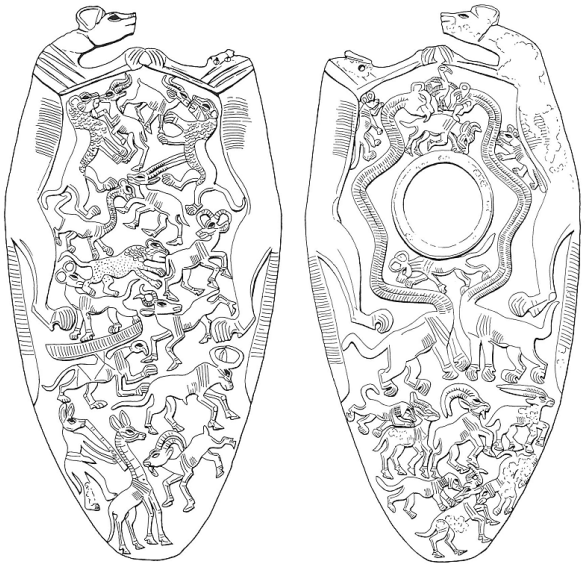


Иллюстрация 4. *«Палетка двух псов (шакалов)» из Иераконполя. Слева – реверс, справа – аверс. Нагада III (ок. 3300-3100 гг. до н. э.). Эшмолеанский музей, Оксфорд (AM E.3924). Источник: Baines, 1993, figs. 1-2*

Событие летнего солнцестояния составляет смысловой центр композиции палетки. Оно выражено в образах двух серпопардов (длинношеих львов), олицетворяющих созвездие Льва и фланкирующих центральное углубление – символ Солнца в названном созвездии. Змеевидные шеи этих существ вызывают ассоциацию с потоками нильских вод, что позволяет соотнести данный образ с дендерскими рельефами, где лев изображен стоящим на змее. Использование жидкости в этом углублении превращало палетку в магическое средство реализации природного цикла: наполнение «солнечного диска» имитировало разлив Нила при нахождении Солнца в созвездии Льва. Умиротворенное состояние серпопардов, лижущих газель, символизирует окончательное наступление благоденствия после завершения ритуального цикла.

Фигуры двух псов (шакалов) по краям палетки и собака в нижнем регистре аверса обозначают время гелиакического восхода Сириуса, которое хронологически предшествовало вхождению Солнца в созвездие Льва и фактическому прибытию воды. На ожидание половодья указывает и фигура жирафа в нижнем регистре реверса: в египетской графике его изображение легло в основу глагола *sr* – «предсказывать» (Raffaele, 2010, p. 265). Как провозвестник разлива, жираф встречается также в декоре гребня Дэвиса и рукояти ножа Карнарвона.

В контексте стимуляции паводка фигура человека в маске шакала, играющего на флейте, олицетворяет правителя в момент совершения ритуала умилостивления божеств. В египетской традиции шакалоголовые персонажи выступали «открывателями путей», что напрямую соотносит данный образ с ролью Сириуса, восход которого знаменовал начало года. По мнению Дж. Бэйнса (Baines, 1993, p. 68-69), каниды на ранних памятниках занимают пограничную зону, выступая визуальным знаком перехода. В дальнейшем подобная функция закрепится за Анубисом как устойчивым обозначением созвездия Большого Пса. Эта преемственность прослеживается вплоть до эпохи создания круглого зодиака храма Дендеры (ок. 50 г. до н. э.), где образ пса связан с фигурой самки бегемота, олицетворяющей Сириус (Миронова, 2026, с. 34-35).

В одном ряду с оксфордским памятником стоит луврская «Палетка четырех псов (шакалов)» (Иллюстрация 5). Ее иконография фиксирует гелиакический восход Большого Пса и летнее солнцестояние (Солнце в созвездии Льва). Сюжет реверса с пальмой и жирафами исследователи трактуют либо как символ государственного единства (Ciałowicz, 1992, p. 16; Williams, 1988, p. 29), либо как борьбу порядка и хаоса (Köhler, 1999), либо как визуальный прообраз «розетки» (пальмы в ракурсе сверху) – древнего символа господства правителя (Hendrickx, Eyckerman, 2012, p. 49).

В контексте календарной системы ствол дерева вероятнее всего олицетворял Нил, текущий с юга и разветвляющийся на рукава в северной части Египта. В этой космологической модели земная река сопоставлялась с небесной – Млечным Путем, в основании которого расположено созвездие Большого Пса с Сириусом. Пара жирафов, фланкирующих эту «реку», служит символом ожидания разлива Нила, который неизменно следовал за гелиакическим восходом «песьей» звезды. Согласно календарной логике, рельефы следует «читать» последовательно: от предсказания на реверсе к самому событию на аверсе.

По аналогии с «Палеткой двух псов» центральное углубление на аверсе совмещает семантику солярного диска и разлива Нила. Окружающие его фигуры льва, серпопарда и четырех шакалов образуют астрономическую схему: первые два олицетворяют созвездие Льва, а последние – созвездие Большого Пса. Фигура аиста в верхней части композиции выступает завершающим указателем наступившего паводка. Таким образом, палетка визуально фиксирует переход к новому году: от восхода Сириуса и вхождения Солнца в созвездие Льва до начала разлива Нила.

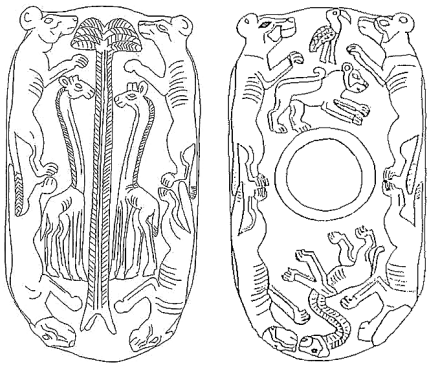


Иллюстрация 5. *«Палетка четырех псов (шакалов)». Слева – реверс, справа – аверс. Нагада III (ок. 3300-3100 гг. до н. э.). Лувр, Париж (E 11052). Источники: Köhler, 2002, fig. 31.10; Campagno, 1996, fig. 8*

С луврским памятником перекликается «Палетка коршунов» (Иллюстрация 6), где политическое противостояние осмыслено через смену небесных фаз. Если реверс с изображением пальмы и жирафов отражает идею покоя, то батальные сцены аверса, где лев и коршуны атакуют противников (вероятно, представителей культуры Буто-Маади из Дельты), отсылают к мифологеме о наступлении засухи в период вхождения Солнца в созвездие Льва. В данном контексте фигура льва-правителя воплощает созвездие Льва, которое в момент весеннего равноденствия вытесняет созвездие Тельца. Эта логика восходит к архаичной небесной топографии, описанной в «Текстах пирамид» и «Текстах саркофагов»: небесный бык северного неба (созвездие Тельца) соотносится с Сетом (Pyr. 2158b, 1544c; CT III, 138b; CT V, 214a). Подобная связь позволяла египтянам отождествлять это созвездие с земными врагами – «северянами», чье поражение уподоблялось триумфу Льва и Сириуса над уходящим небесным циклом.

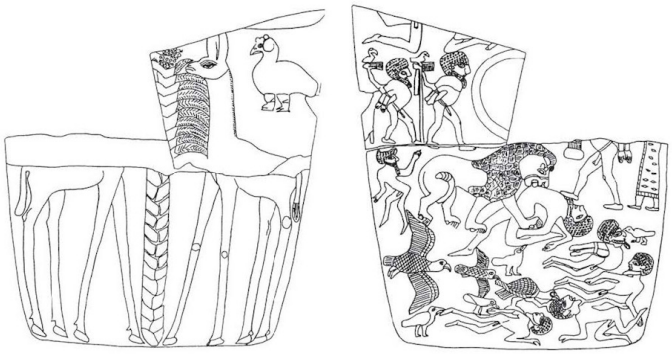


Иллюстрация 6. *«Палетка коршунов». Слева – реверс, справа – аверс. Нагада III. Ок. 3100 г. до н. э. Британский музей (EA 20791), Эшмолианский музей (AM 1892.1171). Источник: Hendrickx, Eyckerman, 2012, fig. 20b*

Фигуры коршунов семантически близки образу льва, что находит подтверждение на звездных картах в гробницах Сенмута и Сети I: там Сириус в облике самки бегемота с львиными лапами отождествляется с «пылающей» (*ḏ3*) или «яростной» ((*ḥ*)*s3*) Мут-коршуном 𓅃 (Lull, Belmonte, 2009, figs. 6.1, 6.7). С этим согласуется надпись из Дендеры о Сехмет, которая предстает как «поднимающееся к небу пламя, когда ее имя становится Сопдет» (Dend. II, 98.3). Так описывалось сияние звезды в момент ее гелиакического восхода. В астрономической графике, начиная с Первого переходного периода, блеск этой «острой звезды» передавался через мотив треугольника или остроконечного кола, на который опирается самка бегемота (Миронова, 2025а, с. 275).

В то же время при анализе звездных карт эпохи Нового царства (ок. 1550-1069 гг. до н. э.) необходимо учитывать астрономическую эволюцию: к началу II тыс. до н. э. вследствие прецессии точка летнего солнцестояния сместилась в созвездие Рака, где в этот период наблюдался и гелиакический восход Сириуса. Однако начало разлива Нила по-прежнему соотносилось с последующим вхождением Солнца в созвездие Льва. Это закрепило полисемантизм образа льва как символа одноименного созвездия, Сириуса и Солнца, воплощавшего одновременно агрессивный зной и благодатный разлив.

Поскольку Нил начинал прибывать лишь спустя недели после восхода Сириуса, длительное ожидание воды в разгар засухи легло в основу мифа о яростной львице Хатхор-Сехмет, чей нрав удалось укротить лишь красным напитком *диди* (Maystre, 1941, p. 73-74). В додинастический период магическим способом умиротворения богини, вероятно, было наполнение углубления палетки жидкостью, что имитировало приход первой воды.

Тот же принцип ритуального обуздания стихийных сил прослеживается на «Охотничьей палетке», где главной темой выступает охота на льва (Иллюстрация 7). Здесь правитель, возглавляющий преследование, пронзает зверя стрелами; при этом фигура льва в момент контратаки сохраняет идею грозного могущества, подлежащего укрощению.

В верхней части палетки представлено здание со сводчатой крышей – святилище Севера (*pr-nsr*). Наряду со святилищем Юга (*pr-wr*) оно служило местом проведения ритуалов коронации. Рядом с постройкой помещена фигура «двойного быка». Г. Фишер (Fischer, 1987, p. 15) полагал, что этот образ имел пиктографическую природу и нашел отражение в иероглифе (E177), означающем движение «вперед и назад». В свою очередь, У. Дэвис (Davis, 1992, p. 111) видел в данной фигуре композиционный ключ ко всей сцене, задающий траекторию «прочтения» рельефов. С этой точки зрения правитель, входя в святилище, символически становился «двойным быком», обретая способность взирать в обоих направлениях одновременно.

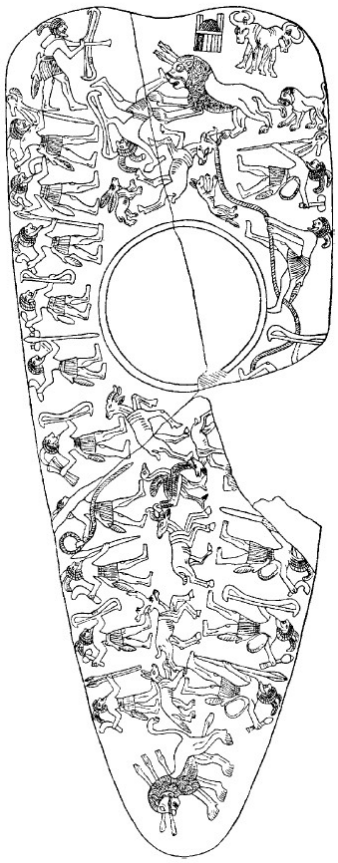
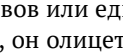


Иллюстрация 7. *«Охотничья палетка». Аверс. Нагада III (ок. 3300-3100 гг. до н. э.). Британский музей, Лондон (BM EA 20792). Источник: Hendrickx, Förster, 2010, fig. 37.7*

Иную трактовку предложил Дж. Смолик (Smolik, 2022, p. 210-211), усмотревший в этом образе не мифологический символ, а реальное природное явление – редкую мутацию. В подтверждение своей гипотезы исследователь привел фотографии сиамских близнецов у крупного рогатого скота и составил перечень египетских памятников с аналогичными изображениями.

Версия Дж. Смолика представляется сомнительной. Во-первых, некорректно сопоставлять изображения взрослых особей с мертворожденными телятами: животное с подобной патологией не могло бы выжить и стать объектом культа. Во-вторых, дублирование фигур в египетском искусстве часто имело иной смысл – как в образе львиного бога Акера, представавшего в виде двух львов или единого двуглавого существа  (или ). Согласно 17-й главе «Книги мертвых» (pAni, 17.15-16), он олицетворял суточное движение светила: одна фигура символизировала «вчера» (Осириса), другая – «завтра» (Ра). Эти стражи солнечного пути обозначали западный и восточный горизонты.

Сходная логика прослеживается на «Охотничьей палетке» и рукояти ножа из Гебель эль-Арака, где фигуры львов, размечающие крайние точки композиции, могут трактоваться как визуальные границы солярных

циклов (суточного и месячного) в созвездии Льва. При интерпретации «святилища Севера» на палетке как маркера области созвездия Тельца образ «двойного быка» наравне с «двойным львом» предстает воплощением пределов самого созвездия, очерчивающим путь Солнца в данном небесном секторе.

Мотив веревки на «Охотничьей палетке» позволяет соотнести ее символику с водами Нила и Млечным Путем. Эта связь подтверждается памятниками Нового царства, где веревка в руках Ориона (*ꜥnw*), по всей видимости, обозначает небесную реку (Миронова, 2025а, с. 275). На самой палетке одна из петель наброшена на рога антилопы, отождествляемой с созвездием Тельца. Расположение животного вблизи центрального углубления может указывать на прохождение Солнца через это созвездие. В такой системе координат фигура льва в верхнем регистре маркирует верхнюю кульминацию соответствующего созвездия, наблюдаемую после захода Тельца в день весеннего равноденствия.

В нижней части палетки, у основания «Млечного Пути», помещена фигура шакала – образ, который уже в додинастический период соотносился, как было показано выше, с созвездием Большого Пса. Аналогичное изображение в верхнем регистре, рядом с антилопой, вероятно, обозначает гелиакический восход Сириуса. Таким образом, палетка вновь указывает на ключевую веху года – начало половодья, для магической стимуляции которого совершались ритуалы в форме охоты или сражения.

Символика данных сюжетов отражает феномен «невидимости» созвездия в момент прохождения через него Солнца. Когда светило входило в определенное созвездие, последнее скрывалось в его лучах, что осмыслялось как временная смерть его небесного образа. В этом контексте ритуальное убийство льва выступало метафорой поглощения звездного образа солнечным диском – необходимым условием для начала разлива.

Другой аспект охоты связан с обузданием агрессивной солярной энергии. На палетке лев предстает не только жертвой, но и яростным хищником, что отсылает к мифу об истреблении людей львицей Хатхор-Сехмет. В такой парадигме охота интерпретируется как усмирение божества, знаменующее переход от губительного зноя к благодатному половодью.

Важное значение имеет и направление выстрела правителя. В отличие от У. Дэвиса, утверждавшего, что стрела летит «куда-то за пределы композиции» (Davis, 1992, p. 111), мне представляется очевидным ее направление точно в сторону быка. Таким образом, наряду с укрощением льва правитель совершает ритуальный триумф над «небесным быком», выступая в роли Ориона, охотящегося на Тельца. Этот мотив стал каноном в астрономии Нового царства. Поражение животного служит аллюзией на весеннее равноденствие: Солнце своими лучами-стрелами «убивает» (затмевает) созвездие Тельца при вхождении в его границы. В общей программе палетки двойная победа над львом и быком символизировала контроль власти над ключевыми точками годового цикла – от начала засухи до прихода воды.

В периоды равноденствий продолжительность дня и ночи практически равна, в связи с чем образ «двойного быка» может интерпретироваться как иконический знак этого астрономического баланса. Аналогичный смысл несут изображения «двойного льва» и парных фигур львов. Таким образом, парные образы в данном случае воплощают идею равновесия света и тьмы. Неслучайно в традициях многих народов состояние равноденствия воспринималось как проявление вселенской гармонии и служило началом празднования Нового года.

В целом рельефы «Охотничьей палетки» совмещают карту звездного неба с фиксацией ключевых вех годового цикла. Композицию можно «читать» в двух направлениях. Вектор «снизу вверх» представляет астрономическую карту с созвездиями Большого Пса, Льва, Ориона и Тельца. Вектор «сверху вниз» отражает сезонные циклы: так, верхний регистр с образом быка указывает на период сева и весеннее равноденствие (вхождение Солнца в созвездие Тельца). Образ льва, в свою очередь, фиксировал и восход созвездия в день весеннего равноденствия, и его заход в период летнего солнцестояния. Первое событие соотносилось с фигурой торжествующего хищника, второе – с образом зверя, пораженного стрелами. Следовательно, палетка обозначает две кардинальные точки цикла – равноденствие и солнцестояние, представляя собой один из древнейших календарей, соотнесенных с зенитом Солнца и восходом Сириуса.

Преемственность этой календарной программы прослеживается в рельефах палетки Нармера (Иллюстрация 8). Здесь летнее солнцестояние, восход Сириуса и разлив Нила остаются главными темами, но акцент смещается на само нахождение Солнца в созвездии Льва, которое очерчивают фигуры серпопардов. Венчающие памятник головы небесной коровы (Бат/Хатхор) указывают на восход Сириуса, а мотив обуздания серпопардов «северянами» подчеркивает астральное положение Льва в северной части неба. Центральное углубление, обрамленное их шеями, визуализирует приход нильских вод: его наполнение красителем или другой жидкостью ритуально имитировало разлив, наступавший вслед за летним солнцестоянием.

Астральный порядок передан в данном случае через иконографию триумфальной битвы с жителями Дельты. Если на «Охотничьей палетке» борьба с быком символизировала противостояние Ориона и Тельца, то у Нармера эта тема воплощена на реверсе в образе царя, повергающего врага. Здесь триумфатор соотносится с Орионом, а противник – с созвездием Тельца в момент его весенней «смерти» (захода) в солнечных лучах.

Развитием сюжета становится нижний регистр аверса, где правитель сам принимает бычий облик. Сцена сокрушения стен города соответствует ноябрьскому восходу небесного Тельца, открывающему сезон посева. Мотив попрания врага функционально тождественен аграрному ритуалу втаптывания зерен в почву скотом: ярость «небесного быка» проецируется на землю для пробуждения жизненных сил пашни, становясь магическим залогом будущего урожая.

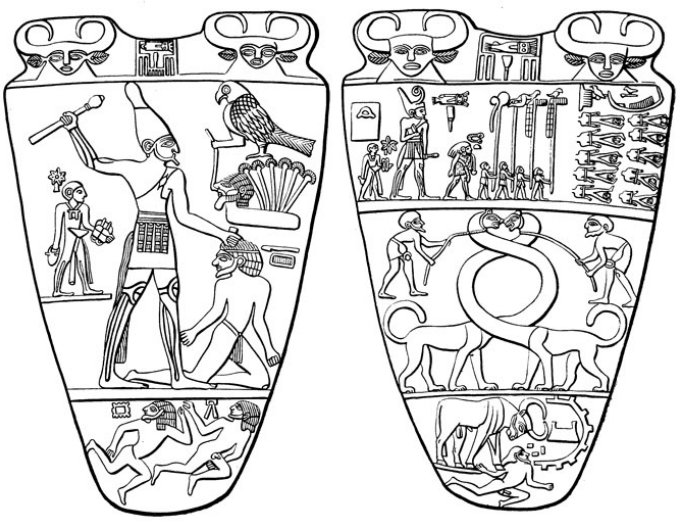


Иллюстрация 8. *Палетка Нармера из Иераконполя.*
Слева – реверс, справа – аверс. I династия. Каирский музей (JE 14716). Источник: Кинк, 1976, рис. 60

Таким образом, палетка Нармера запечатлела пять вех календарного цикла: положение Солнца в созвездии Льва (июнь – июль), гелиакические восходы Сириуса (июнь) и Ориона (август), а также восход (ноябрь) и заход (март) Тельца. Вероятно, предмет задействовался в храмовых ритуалах для магической стимуляции разлива Нила. Предложенная интерпретация не исключает политического значения памятника, которое в данном контексте накладывается на более фундаментальную астрономическую основу. Фигура царя здесь выступает гарантом циклического обновления природы и незыблемости миропорядка.

Заключение

Проведенное исследование позволило реконструировать календарно-астрономический контекст сюжетов раннеегипетской малой пластики. Анализ декора гребней, рукоятей ножей и палеток подтвердил, что в их композициях запечатлены ключевые вехи годового цикла: весеннее равноденствие, гелиакический восход Сириуса и летнее солнцестояние. Преемственность между архаическими образами и астральными мотивами «Текстов пирамид», «Текстов саркофагов» и звездных карт Нового царства доказывает устойчивость этой системы представлений на протяжении тысячелетий.

В основе анализа памятников рассматриваемого периода лежит их соотнесенность с небесными циклами. Использование анималистических символов позволяло фиксировать положение небесных тел, а иконографическая программа изделий – от центральных углублений до батальных сцен – демонстрирует, что выделение созвездий происходило в связи с сакрализацией роли правителя как регулятора природных процессов. Его ритуальные действия обеспечивали стабильность миропорядка: победа над земным хаосом отождествлялась с утверждением небесного закона и началом разлива Нила. Это дает основание рассматривать раннеегипетскую малую пластику и, в частности, палетки как древнейшие календарно-астрономические документы. В условиях отсутствия развитой иероглифической письменности эти памятники выполняли роль визуальных носителей фундаментальных знаний, заложив основу всей последующей египетской традиции времяисчисления.

Перспективой дальнейшей работы является комплексный анализ астральной символики на основе более широкого круга источников. Это позволит проследить эволюцию образов от их архаических додинастических форм к развитым теологическим концепциям и солярным представлениям эпохи Древнего царства.

Материалы исследования | Research materials

1. CT – Coffin Texts (Buck A. de., Gardiner A. The Egyptian Coffin Texts: 7 vols. Chicago: The University of Chicago Press, 1935-1961).
2. Dend. II – Chassinat É., Daumas F. Le temple de Dendera: 15 vols. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1934. Vol. II.
3. Maystre C. Le Livre de la Vache du Ciel dans les Tombeaux de la Vallée des Rois // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire. 1941. Vol. 40.
4. pAni – Papyrus of Ani (Budge E. A. W. The Book of the Dead: The Papyrus of Ani in the British Museum. L.: Longmans & Co., 1895).
5. Pyr. – Pyramid Texts (Sethe K. Die Altägyptischen Pyramidentexte: 4 Bde. Leipzig: Hinnrichs, 1908-1922).
6. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis. Part II. L.: Bernard Quaritch, 1902.

Источники | References

1. Емельянов В. В. Месопотамия // Календарные праздники Древнего Востока. Исследования и тексты / под ред. В. В. Емельянова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2023.
2. Кинк Х. А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М.: Наука, 1976.
3. Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (Культурологические очерки). М.: Изд-во Российского института культурологии, 2002.
4. Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // Советская археология. 1976. № 3.
5. Куртик Г. Е. Введение зодиака как полосы созвездий в месопотамской астрономии // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 1.
6. Матье М. Э. Искусство Древнего Египта. Л. – М.: Искусство, 1961.
7. Миронова А. В. Календари и праздники Древнего Египта. М.: Москва, 2022.
8. Миронова А. В. Культ богини Ипет в контексте изучения астрономических рисунков Древнего Египта // Диалог со временем. 2025a. Вып. 91. https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.91.91.018
9. Миронова А. В. Образы богини-скорпиона Серкет в звездных картах Древнего Египта // Восток (Oriens). 2026. № 1. https://doi.org/10.31696/S086919080037356-8
10. Миронова А. В. Семантика образов коровьей головы в египетских памятниках додинастического и раннединастического периодов // Восток (Oriens). 2025b. № 1. https://doi.org/10.31696/S086919080033912-0
11. Baines J. Symbolic roles of canine figures on early monuments // Archéo-Nil. 1993. Vol. 3.
12. Belmonte J. A., Shaltout M. Keeping Ma'at: An astronomical approach to the orientation of the temples in ancient Egypt // Advances in Space Research. 2010. Vol. 46.
13. Bénédite G. Le couteau de Gebel el-Arak, étude sur un nouvel objet préhistorique acquis par le Musée du Louvre // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 1916. Vol. 22. Issue 1.
14. Campagno M. Caos y Orden. Acerca de dos paletas del Predinástico tardío // Aula Orientalis: Revista de estudios del Próximo Oriente Antiguo. 1996. Vol. 14. No. 2.
15. Ciałowicz K. M. La naissance d'un royaume: l'Egypte dès la période prédynastique à la fin de la Ière dynastie. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2001.
16. Ciałowicz K. M. Problèmes de l'interprétation du relief prédynastique tardif. Motif du palmier et des girafes // Studies in Ancient Art and Civilization 4 / ed. by J. Śliwa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1992.
17. Czichon R. M, Siewertsen U. Aspects of space and composition in the relief representations of the Gebel el-Arak knife-handle // Archéo-Nil. Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. 1993. Vol. 3.
18. Davis W. Masking the blow: the scene of representation in late prehistoric Egyptian art. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California pr., 1992.
19. Degreef J. D. Three Archaic Egyptian Constellations used as Seasonal Markers? 2003. http://www.catch-penny.org/thoth/3arch.htm#E001
20. Du Mesnil du Buisson R. Le Décor asiatique du couteau de Gebel el-Arak // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1969. Vol. 68.
21. Edzard D. O. Gudea and His Dynasty. The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Toronto – Buffalo – L.: University of Toronto Press, 1997. Vol. 3/1.
22. Fischer H. G. The Ancient Egyptian Attitude Towards the Monstrous // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval World: Papers Presented in Honor of Edith Porada / ed. by A. Farkas, P. Harper, E. Harrison. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1987.
23. Frankfort H. The Birth of Civilization in the Near East. L.: Ernest Benn, 1951.
24. Gabolde L. Mise au point sur l'orientation du temple d'Amon-Rê à Karnak en direction du lever de soleil au solstice d'hiver // Les cahiers de Karnak. 2010. Vol. 13.
25. Goyon J.-C. Sur une formule des rituels de conjuration des dangers de l'année // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire. 1974. Vol. 74.
26. Graff G. Les peintures sur vases de Nagada I – Nagada II. Leuven: Leuven University Press, 2009.
27. Hendrickx S., Eyckerman M. Visual representation and state development in Egypt // Archéo-Nil. Revue de la société pour l'étude des cultures prépharaoniques de la vallée du Nil. 2012. Vol. 22.
28. Hendrickx S., Förster F. Early Dynastic Art and Iconography // A Companion to Ancient Egypt, vol. II (Blackwell Companions to the Ancient World) / ed. by A. B. Lloyd. Chichester/Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
29. Jong T., de. The Heliacal Rising of Sothic // Ancient Egyptian Chronology. Handbook of Oriental Studies / ed. by E. Horning, R. Krauss, D. A. Warburton. Leiden: Brill, 2006. Vol. 83.
30. Köhler E. C. History or Ideology? New Reflections on the Narmer Palette and the Nature of Foreign Relations in Predynastic Egypt // Egypt and the Levant / ed. by E. T. Levy, E. C. M. van den Brink. L. – N. Y., 2002.
31. Köhler E. C. Re-assessment of a cylinder seal from Helwan // Göttinger Miszellen. 1999. Bd. 168.
32. Lull J., Belmonte J. A. The Constellations of Ancient Egypt // In Search of Cosmic Order: Selected Essays on Egyptian Archaeoastronomy / ed. by J. A. Belmonte, M. Shaltout. Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2009.
33. Malville J. M. Astronomy at Nabta Playa, Southern Egypt // Handbook of Archaeoastronomy and Ethnoastronomy / ed. by C. Ruggles. N. Y.: Springer, 2015.

34. Patch D. C. Early Dynastic art // Dawn of Egyptian Art / ed. by D. C. Patch. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2011.
35. Pittman H. Constructing Context: The Gebel el-Arak Knife. Greater Mesopotamian and Egyptian Interaction in the Late Fourth Millennium B.C.E. // The Study of the Ancient Near East in the Twenty-First Century. The William Foxwell Albright Centennial Conference / ed. by J. S. Cooper, G. M. Schwart. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996.
36. Raffaele F. Animal Rows and Ceremonial Processions in Late Predynastic Egypt // Recent Discoveries and Latest Researches in Egyptology: Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology, Naples, June 18th-20th, 2008 / ed. by F. Raffaele, M. Nuzzolo, I. Incordino. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010.
37. Smolik J. The Hunters' Palette: A Novel Explanation of the Enigmatic Double Bull, an Image That Survived through the Millennia // Journal of the American Research Center in Egypt. 2022. Vol. 58.
38. Tefnin R. Image et histoire. Réflexions sur l'usage documentaire de l'image égyptienne // Chronique d'Égypte. 1979. Vol. 54 (108).
39. Theodossiou E., Mantarakis P., Dimitrijević M. S. The era of Aries and Kriophoros statues // Astronomical and Astrophysical Transactions. 2012. Vol. 27. Issue 4.
40. Wengrow D. The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2,650 BC. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
41. Wilkinson T. A. H. Early Dynastic Egypt. L. – N. Y.: Routledge, 1999.
42. Williams B. B. Decorated pottery and the art of Naqada III. A documentary essay. München – Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU

Миронова Александра Вадимовна[1], к. иск.
[1] Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

EN

Alexandra Vadimovna Mironova[1], PhD
[1] State Academic University for the Humanities, Moscow

[1] *alevmir@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.04.2026; опубликовано online (published online): 04.05.2026.

Ключевые слова (keywords): календарно-астрономическая система; раннеегипетская малая пластика; архаический изобразительный канон; праздничная культура; астрономические документы; calendar-astronomical system; Early Egyptian small-scale art; archaic visual canon; festive culture; astronomical documents.